

Переводы Ирины Цыгальской, Сергея Морейно,
Василия Карасева, Юрия Касянича, Дмитрия
Кузьмина, Александра Заполя

[107]

ИЛ 3/2019

ИМАНТ АУЗИНЬШ (1907–2013)

Стрелок и Забвение

— Та пуля не заблудилась, —
в глазах твоих вспышка солнца последняя.
Ты Смерти — Смерти самой не боялся,
теперь трепещи!
Я есмь — Забвение.

— Что от меня хочешь?
— Ты надежду питал, что пребудешь
в веках под южного неба простором.
Тщетно!
Забудут тебя, едва ты смешаешься
со зном степей Украины.
И что на земле изменилось? —
Те же осени на окраине Гризинькалн,
звенят и звенят цикады
там о прахе твоём — на холмах.

— Но то был путь человека.
Жизнь запомнит их, несосчитанных,
как и павших, — без счета, без счета.

— Гляди же:
десятки лет утекли, —
над тобою польнь разрастается,
а живых — как врагов — под суд...
— Контра! — сыто кричат
набравшие лишний пуд.
И стреляют, стреляют, стреляют!
Или звезды над ними не те же?!

— Не те! Там наши раны
рдеют печатью Каина:
от крови они багряны...

— Все равно — вам исчезнуть!
Те живут, кто целились
в Рудзутака и в Эйхе!

— Кто стреляет, споткнутся о наши останки.
Я жить в Украине останусь,
я жить в России останусь,
я в Латвии буду жить.

И что-то, что-то изменится
(и осени на окраине Гризинькална),
будут звенеть, где мой прах,
цикады — там, на холмах.

Перевод Ирины Цыгальской

КНУТ СКУНИЕКС (р. 1936)

Девять ночей бога Одина

Девять ночей, девять ночей
Я вишу, дочерна синь.
Поскрипывает над головой моей
Дерево — Иггдрасиль-яшень.

Девять ночей ветер дерево бьет
И белые молнии нишет.
Серый олень вершки грызет и грызет,
А змеи корешки его лижут.

Девять ночей, девять ночей
Я себя дрючу, я себя мучаю,
Ворон Хугин одесную,
Ворон Мунин ошую.

И буря над кроной пучится.

Этот ворон в зобе думу держит,
Память тот стережет.
Девять ночей, девять ночей
Лишь зубовный скрежет.

Будто сам себя в ушко игольное вдел,
Брюхо вспорол, над раной бдел —

Девять ночей, девять ночей.
Своей рукой вывязана петля —
Смолой кипят небеса и земля
Девять ночей.
Девять ночей клясться и клясть.
Веревке порваться, а копыю упасть.
Мудрости язык оросить мне.
Руны читать и чтить,
Гадать, морить, чары творить
И сказывать крепчайшие песни.

Чернь ли, что в Среднем Дворе гниет,
Копьем ли, петлей на себя посягнет?
Тем ли, в чьих жилах жижга и ржа,
Родить себя, как Один рожал,
Девять ночей, девять ночей?
Вот этим ли ради разума тлеть,
Снова гореть и словом болеть?

Все девять ночей боролся бог,
Пока не истончилась веревка
И тьма и мрак не обессилели.

И выпрямился сук Иггдрасиля.

Перевод СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

АЙВАР НЕЙБАРТ (1939—2001)

* * *

День как
глония бытия
кончился.

Я положил
себя как
великого скупердя
на край
вечера.

Все гвозди
из досок неба
вырваны.

ночью через
светлые дырочки
ярко улыбаются
бурые
звезды...

* * *

Клин журавлиный как
языческая стрела
продирается
сквозь меня и
пригвозждает меня
к небу как
еретика к столбу

И когда мои
крылья обрублены
и я не могу подняться
бьюсь как лебедь
на кромке канала, я
беру
свое небо как
сокольник птицу и
ухожу по
петляющей тропке.

И полевицы
как на идол молящиеся
кланяются мне, и
рычит медведь
в бороду свою
так
трогательно грубо...

* * *

На руках я
хожу.

Свои
ухмыляясь
разгадывают
тайну мою —
дурачок?
шут?

акробат?
или...

Но просто —
ноги мои (как
реки пересохшие)
так страшно
устали, что
не способны
нести даже
самих себя больше, и я
на руках
хожу...

Стильное стихотворение

Кто-то припадает к земле —
оборачивается бодяком и
все получается у него
крайне бароккально.

Другой лезет на небо на
длинных своих как
дым из трубы и
делает это он так
готично.

И девка
на беду
мне смеется
так югендстильно и
бредет парнишка ну
чистый ренессанс.

Но ни то ни се
у меня самого появляется
свой лик,
неприступная крепость,
ну точно не
классицизм.

Перевод ВАСИЛИЯ КАРАСЕВА

ВЕЛГА КРИЛЕ (1945–1991)

* * *

[112]

ил 3/2019

Как далеко, как потемнело солнце осени!
Пойду я с лесом попрощаться.
Найду там папоротников кости,
Покой во рваных птичьих перьях.

Когда же вновь на улицы вернусь я,
То стану к пробуждению леса жить,
Снег первый на траве пожухлой представляя
Весенними ручьями.

Пусть скачет белый всадник по моим тропинкам,
В руке холодной держит сердце ели,
В подковах звон, в котором я услышу:
“Как далеко, как потемнело солнце осени!”

* * *

...сквозь зов бесконечно многих мой зов — молчанье,
в прозрачных и мутных звуках вздыхает ночами высь
поднебесная,
как взять, задержать образ? — все так бессвязно,
будто разбитая в искры капля во тьме на моей
ладони,
века твоим взглядом пронизаны, — я придержу время —
еще минуту одну, еще жизнь и кущи загробные, —
что было все прочее вне этой великой нежности? —
прочее все, может быть, только муки, мы шли
через них — бытие заслужить как будто стараясь,
на рыночной площади сквозь мириады пылинок
цирк снова сверкает
и дешево в нем покупаем небесное синее чудо, —
что забыть мы хотим, когда там акробат умирает? —
в узел морской связало дыханье, сосны в лучах
заката,
пылинки на солнце и валерьяну, цветок в тени на
ветру и мое
молчанье ли, снег ли в мире другом, глубокий
и белый, ноги увязнут, дальше ни шагу, падает снег...

Перевод Ирины Цыгальской

ЮРИС КУННОС (1948–1999)

Макафонный вестерн

Говорит балерина: давай возьмем банк.

Поедем после этого в Рим.

Говорит балерина: кругом бардак.

На небе тучи, цветы наскучили и вообще всё мимо.

Хочется есть, нельзя: жир, смотри.

Если что, я выгашу тебя из зоны.

Поедем после этого в Рим.

Свои золотые волосы навью на мрамор колонны.

Мы с тобой сольемся будто припев и куплет.

Лестница в небо, и никому не обидно.

Бонни & Клайд. Случается же хеппи-энд.

Давай возьмем банк. Ну а там будет видно.

На зоне не так уж плохо: свобода пасться,

горячая пицца, теплая компания.

Главное: не сбеги с миллионами, выгашу меня.

Такой, значит, у нас диалог. Неопостромантизм.

Поставлю-ка свечку за Мастряни.

Фрески Джотто уцелели

в Умбрии землетрясение но фрески Джотто уцелели

алтарь Франциска из Ассизи также

смирение обильно вознаграждается

“нищ был я на этом свете — сказал поэт — нищим буду

и на том

с той разницей что каждый кто был силен здесь там

даст мне по оболу”

само собой

амброзия с нектаром перед глазами и умбра

в небесах горлинки и кленовые листья парят красиво

не знаю это головотрясение или гейзер из серого

вещества

впрочем ВИВА!

ведь и слезы на лицах фресок суть бледные янтарные

линзы

и каждый идущий мимо даст мне по оболу

само собой

* * *

персидский-то тот ковер оказался ковром-самолетом
колокольчики звенят привязаны к бахrome
тканые райские птицы оживают внезапно
проснулись в танце священные письмена
музыка не слышна но рисунок понятен
колокольчики звенят привязаны к бахrome
падшие ангелы оступаются в попытках подняться
проснулись в танце священные письмена
солнечные лучи щекочут решетку гарема
колокольчики звенят привязаны к бахrome
кривые мечи высекают из туч имя зятя пророка
мечутся в пыли бесноватые “шахсей-вахсей”
нефтяные потоки удерживают ковер в свободном
паренье
воздушные потоки удерживают ковер в свободном
паренье
дыхания пери удерживают ковер в свободном
паренье
“не пей вина ибо первая же капля тебя погубит”
делаем так первую каплю отпустим обратно на землю
вторую с третьей делим с первым встречным Аллаh
всемогущ
рахат-лукум кишмиш суджук ачма
там внизу паранджа под нею сама Фатъма
клянуся райскими кущами

Перевод СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

ПЕТЕРС БРУВЕРИС (1957—2011)

* * *

одной ногой в могиле в классике другой
охапки калл дождь хлещет безучастно
душа мягка как пластик под рукой
ты улыбнись поскольку жизнь прекрасна

и постучи по двери жестяной
прислушайся затихнут иль ответят
из леса веет прелою листвою
над развалюхой МИР и ТРУД ржавеют

к одной щеке дождь острой бритвой льнет
а на другую льется холод солнца
вишневой косточкою Бог любя пуляет
в меня

и жизнь в осколки разобьется

дождь смыл следы мои
мечты погребены
охапкой калл белеющих как кости
теснят меня юнцы под стягом тьмы
старик красавиц клеит на забор погоста

я душу выну вылеплю свирель
и соберусь пройти тремя морями
и теща всех забавою своей
я призраком качнусь в полночной раме

* * *

что делать нам с бессмертными стихами
когда судьба дошла до половины
упасть в крапиву и предаться сплину
жизнь разменять швыряясь медяками
когда сентябрь спускается в долину
что делать нам с бессмертными стихами

что делать нам с бессмертными стихами
на бронзу лиц дождь сеет не стихая
как классики вам в рамках бездыханных
что делать нам с бессмертными стихами

что делать нам с бессмертными стихами
ша бубенцы шут в лихорадке видно
беда накатывается лавиной
когда судьба дошла до половины
и отовсюду тьма грозит глухая
что делать нам с бессмертными стихами

что делать нам с бессмертными стихами
дрожит рука иссушена грехами
мы семенем вперед с мечтой о храме
что делать нам с бессмертными стихами

* * *

в проем триумфальной арки
худая собачка бредет

гляжу я на реку где барки
с песком
по течению несет

ночь хлынула холодом острым
озноб вдоль спины
всегда
над сочным победы компостом
горит поражение звезда

Перевод Юрия Касянича

ДАЙНА СИРМА (р. 1958)

Ночной поезд

в окнах вагона ночь дальнего следования нас обоих
перестук кандальный так куда мы попали
чаща? тоннель? эстакада?

на полустанках выскочить надо
пригубить жизнь горячую
вместо постного общего чая

мы перешли все границы давно
таможня отобрала и по давню
спирт сигареты стыд и совесть

переезды закрыты на совесть
матери отцу детям молитвам песням
не пересечь наших рельсов

в двухместном купе гуляем с глазу на глаз

а на последней станции
на черном рассвете осеннем
астры октябринки и хризантемы
в инистых стылых лапах

КЛАВ ЭЛСБЕРГ (1959–1987)

* * *

Ау, Рига, теплая рукавичка —
когда ветер

засовывает в тебя
свои ледяные пальцы,
нас всех пробирает дрожь.

Снова такое время,
что, одет ты или раздет, грустно,
и, точишь ты зуб или нет, как лучше,
поди пойми.
Над рекою туман. И дождь.

Словно и не было лета,
словно и не пятнают его следы
полоску земли меж твоих грудей.
Только вздохи кругом. И чихи.

Ау, Рига, теплая рукавичка —
когда я снова начну шарить в тебе
ледяными пальцами,
не бей меня слишком больно.

* * *

горчит не только анальгин
но и жизнь порою знаете ли
эй братцы-кролики не спешим
и не прощаемся

слеза в сети у паука
вот это жребий знаете ли
пусть Бог хранит от дурака
мы не прощаемся

* * *

и это будет последней
пробы чистой болью
из нас прорастут ступени
к небу над розовым полем

упасть это наше право
и мы будем лезть все выше
и я до хруста в суставах
сожму лицо твое слышишь

но будут звенеть мои руки
как высоковольтный источник

несущий порции муки
ломающие позвоночник

тем самым последним грузом

[118]

ил 3/2019

и ночь охмелев от разбоев
возьмет свои сети сузив
тепленькими обоих

* * *

в Индию новых путей
мы после себя не оставим
журавли покидая север
соединяются в стаи

я знаю время отлива
и когда приходит волна
я знаю что в Латвии
осень дождлива
а весна
холодна

у всех журавлей один путь
и они летят косяками
взлетим ли когда-нибудь
сами мы сами мы сами

Yellow

я слышал что существует группа Yellow
я вижу что одуванчики летом yellow
столько шума на этом свете храни Господь
кто в молодых не хочет верить прогнил насквозь
от дравших наших прабабок больших господ
до дедов лезущих из берлог украдкой
ай корень учения аккуратный и гладкий
да разве усвоишь начала с таких концов
есть тихая музыка от матерей и отцов
она в болотах лежит и нам еще суждена
может целебна а может осуждена
но вряд ли она окажется новой волной
в данный момент прокручиваемой новой шпаной
(волна уходит в песок голос дрожит
и новый хит над призывниками кружит)

может быть мне и нравится группа Yellow
мне также нравятся девушки с головками yellow
но я ночами вкальваю как ниггер
притом озираюсь на то что случилось в мире
хотя у меня ни мага ни ящика нет
мне кое-что рассказывают про белый свет
правда ли что вы путаете черное с белым
правда ли что существует группа Yellow?

МАЙРА АСАРЕ (1960—2015)

Туман

Только что был февраль, глядь — на дворе апрель,
в город входит туман, входит, тормозит,
приглядывается бесстрастно, как тает все, к чему
ни прикоснется, тает и течет, исчезает
и возвращается в белую беспредельность.
В первый день мы работали,
время от времени глаза поднимая к окнам,
а там был туман,
во второй день мы продолжали работать
и говорили один другому, мол,
туман — в нем нет ничего особенного.
Пока в тумане не растаяло время,
колокола и судовые сирены
по привычке имитировали его ход,
и у нас было на что положиться.
На третий день мы вышли проверить,
как много осталось от города вне влажной
туманной пасти.
На следующий день за завтраком
ты сказала: — Даже в такой туман здесь
нет необходимости думать о смерти.
Туман постоял за окном,
возможно, глядя на нас.
И рассеялся.

Перевод СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

ПЕТЕРИС ЦЕДРИНЬШ (р. 1964)

* * *

[120]

ил 3/2019

Сумерки.
Пересекаем перекресток за перекрестком,
пока не исчезнут границы.
У Марии кудри во рту.
Мы несем горящие воспоминания
к реке забытья.
Из ледяных вод
души обращаются к нам
через мегафоны.
В бутиках распродают брендовые пальто.
Мы с Марией заходим в привокзальный туннель,
где даже при внезапной перемене погоды
всегда тепло.
Черные чернила оттаивают
и смородиновым чаем текут по губам.

Перевод Дмитрия Кузьмина

АНДРА МАНФЕЛДЕ (р. 1973)

сидящий под липой на Липовой улице в Лиенае
абсолютно реален
с полей его шляпы свисает
слоник из плюша
розовый синтетический хобот грозен
как рога у берсеркеров на шлемах
пускай броня его пластик

топор — стекло
зато война настоящая

по меньшей мере раненых и убитых выше крыши
и голый король-победитель
дрыхнет на ярком песке отливавшем кварцем вчера
а шелком сегодня
оркестр играет завтрашний туш
по мускусным и табачным нотам

В духе Гарсиа Лорки

я видела свою смерть
не за оградой
не в шелке простынь
стол был накрыт
наполнены кубки
обмотки сняты
масло на ранах
елей на губах
вили в стволах
гнезда кукушки

гопота не зевала жирными ртами но взлетала от
горячей похлебки
мулы в сбруе смаковали вино одуванчики зацветали
в поклаже
мои дорогие сплошь танцевали днями и ночами
и днями
бичами пощелкивая грудями помахивая как цыгане
сама я залезла под стол как дитя ай-ай собака
и время дорог я с пяток своих соскребала
тем самым белым платочком смерти
глядя через который все кажется
простым и прозрачным

Перевод СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

АННА АУЗИНЯ (р. 1975)

Наши дочери
наши дочери принцессы
тюль и воланы, черно под ногтями
шлют в небо шарики с гелием

наши дочери русалки
волны пестрят и флитеры
играют они на отмели

и еще они антилопы
вольные и длинноногие
скачут холмами гурьбою

наши дочери еще водопады
сердца их щемят производят из боли
электроэнергии бездну

и еще иерихонские трубы
да станут известны их думы
пусть все учтут и боятся

но, когда миновала буря
красят ресницы и брови
обувают кеды с брендом
сосут фрапучино про нас
своих матерей рассуждают

Перевод Ирины Цыгальской

КАРЛИС ВЕРДИНЬШ (р. 1979)

Ответ

Получили ваше письмо, но, к сожалению, в настоящее время ничего не можем обещать. Ситуация очень сложная, но мы всё еще надеемся на позитивное решение.

Однако считаем своим долгом сообщить вам, что и ваше отношение не способствует конструктивному сотрудничеству. Вместо того, чтобы выдвигать требования, вы могли бы быть так любезны и поддержать нас — мы тоже всего лишь люди, работаем без сна и пропитания.

Пришлите бочонок пива или каких-нибудь котлет. Или что-то, что подошло бы для бартера — например, литр крови или какую-то мебель мирного времени.

Как только будут какие-то новости, постараемся вас известить. Позвонить, к сожалению, не можем, однако пошлем письмо, если только будет кому облизать марку.

Перевод Александра Заполя